

О праве войны и мира Книга первая*

Гуго Гроций

Глава I

Что есть война, что есть право?

Порядок изложения

I. Все взаимные споры лиц, не связанных воедино общим внутригосударственным правом, относятся к состоянию войны или мира; таковы споры тех, кто еще не объединен в народ, или тех, кто принадлежит к различным народам, — как частных лиц, так и самих государей, а также лиц, обладающих равными с последними правами, а именно — лиц знатного происхождения и свободных граждан в республиках. А так как войны ведутся ради заключения мира и нет такого спора, из-за которого не могла бы возгореться война, то уместно будет в связи с изложением права войны остановиться на том, какого рода обычно возникают разногласия, сопряженные с войной. Самая же война приводит нас затем к миру как своей конечной цели.

Определение войны и происхождение этого слова

II. 1. Поскольку мы намерены толковать о праве войны, то необходимо исследовать вопрос о том, что такое война, о которой идет речь, и что такое право, о котором ставится вопрос. Цицерон утверждал, что война есть состязание силой. Тем не менее вошло в обычай называть этим именем не действие¹, но состояние; так что война есть состояние борьбы силою как таковое. Это общее понятие обнимает всякого рода войны, о которых должна идти речь в дальнейшем. При этом я ведь здесь не исключаю и частной войны, так как на самом деле такая война предшествует войне публичной и, без сомнения, имеет с последней общую природу, почему они должны называться одним и тем же, свойственным им именем.

* Фрагмент книги перепеч.:

https://www.google.ru/url?sa=t&source=web&rct=j&opi=89978449&url=https://www.civisbook.ru/files/File/Groziy_Kn1.pdf&ved=2ahUKEwjJlqm2rZqKAxWvLBAIHZjWEIcQFnoECB0QAQ&usq=AOvVaw2z5CeW8Vp_dJLYitYzqLE8

¹ Филон. Об особых законах: «Неприятелями считаются не только те, кто сражается на море или на суше, но такими должны считаться также те, кто подводит военные машины к портам или к стенам города, даже если они еще не начинают сражения» (II). Сервий в комментарии «На "Энеиду"» (кн. I) по поводу следующего стиха — «В войне и бою непревзойден» — говорит: «Война предполагает составление военного плана; бой же состоит в самом действии». Также в комментарии на книгу VIII «Война включает как время, необходимое для приготовления к какому-нибудь неизбежному сражению, так и время самого сражения. Сражением же называется самое столкновение во время войны».

2. Этому не противоречит происхождение самого слова «война», ибо слово *bellum* [война] происходит от более древней формы — *duellum* [поединок], подобно тому как *duonus* превратилось в *bonus*, а *duis* — в *bis*. *Duellum* в таком же смысле происходит от *duo* [два], в котором для нас «мир» означает «единение». Так же точно у греков слово *polemos* [война] произошло от обозначения «множества»: в древности *lue* [раздор] было выведено из слова «распад», подобно тому как из «разложения тела» произошло *due* [мука].

3. Язык не противится употреблению слова «война» в этом более широком смысле. Однако ничто не препятствует нам присваивать название войны исключительно только вооруженному столкновению государств, поскольку, несомненно, родовое название сообщается нередко также тому или иному виду, в особенности же такому, который имеет какое-нибудь особое преимущество перед другими видами. Я не ввожу в определение понятия войны признака справедливости, потому что задачу настоящего исследования составляет именно разрешение вопроса о том, может ли какая-нибудь война быть справедливой и какая именно война справедлива. Следует все же отличать постановку вопроса от самого предмета, о котором ставится вопрос.

Определение права по свойствам действия и деление его на право господства и на право равенства

III. 1. Давая настоящему исследованию заглавие «О праве войны и мира», мы, во-первых, как уже сказано, разумеем именно вопрос о том, может ли какая-нибудь война быть справедливой. И затем — еще другой вопрос: что же может быть в войне справедливо? Ибо право здесь означает не что иное, как то, что справедливо, при этом преимущественно в отрицательном, а не в утвердительном смысле, так как право есть то, что не противоречит справедливости. Противоречит же справедливости то, что противно природе существ, обладающих разумом. Так, по словам Цицерона в трактате «Об обязанностях» (кн. II, гл. I), противно природе причинять ущерб другому ради собственной выгоды; и в доказательство этого он приводит то, что при таком положении дела человеческое общество и взаимное общение людей неизбежно разрушились бы. Грешно человеку злоумышлять против другого человека, полагает Флорентин, ибо природа установила некое сродство между ними (*L. ut vim. D. de Iust. et Iure*). Сенека же в трактате «О гневе» (кн. II, гл. 32) пишет: «Пусть все члены тела находятся во взаимном согласии, так как сохранение отдельных частей важно для целого: люди должны щадить друг друга, потому что они рождены для общения². Ибо общество не может существовать иначе, как взаимной любовью и заботой о составных частях».

2. Подобно тому как одни сообщества свободны от неравенства³, например, взаимные отношения братьев, граждан, друзей или союзников, другие же, напротив, не свободны от неравенства и, по словам Аристотеля, допускают превосходство, например, отношения отца

² Тот же Сенека (письмо XLVIII) пишет: «Следует усердно и благоговейно блюсти то общество, которое нас всех соединяет со всеми и научает тому, что есть на самом деле некое право, общее человеческому роду». О том же можно прочесть у Златоуста в слове «На послание I к коринфянам» (XI, 1).

³ Подобно тому как грамматика различают конструкцию, заключающую согласование, и конструкцию, заключающую подчинение.

к детям, хозяина к рабу, царя к подданным, бога к людям⁴, так и один вид справедливости состоит в отношениях между равными, а другой — в отношениях между господствующими и повинующимися. Поэтому мы едва ли ошибемся, если этот последний вид назовем правом господства, а первый — правом равенства.

Деление права по качеству на способность и соответствие (*facultas* и *aptitudo*)

IV. От права в этом смысле отлично иное, хотя и зависящее от первого, — касающееся лиц. В этом последнем смысле право есть нравственное качество, присущее личности, в силу которого можно законно владеть чем-нибудь или действовать так или иначе. Это право присуще личности, хотя нередко оно и связано с вещами, как, например, сервитуты, лежащие на усадьбах и носящие название вещных прав в отличие от других, чисто личных, — не потому, чтобы первые тоже не были связаны с личностью, но потому, что они связаны с нею, поскольку им принадлежит какая-нибудь определенная вещь. Совершенное же нравственное качество мы называем способностью, менее совершенное мы называем соответствием; в вещах естественных первым соответствует действие, вторым — возможность.

Деление способности, или права в строгом смысле, на власть, собственность и право требования.

V. Юристы обозначают способность словом «свой», то есть принадлежащий кому-либо. Мы же отныне будем называть ее правом в собственном, или тесном смысле; им объемлется власть как над собой, что называется свободой⁵, так и над другими лицами, например, власть отеческая и господская; а также собственность — полная, или неограниченная⁶, и ограниченная, как узурфрукт, право залога, ссуда; право требования по договору, чему с другой стороны соответствует обязанность.

Другие деления способностей — на низшие и высшие

VI. Способности, с другой стороны, бывают двоякого рода: или низшие, то есть предоставленные в частное пользование, или высшие, которые имеют преимущество перед частным правом, будучи предоставленными всему обществу в отношении его членов и их имущества ради общего блага. Такова власть государя, которой подчинены власть отеческая и господская; таково владение государя вещами отдельных лиц ради общего блага, господствующее над владением частных собственников⁷; так, каждый гражданин несет ответственность сперва перед государством в общественных интересах, а затем уже перед своим кредитором.

⁴ О такого рода общении см. у Филона, толкование на текст Ветхого завета. Нечто подходящее высказал также Плутарх в жизнеописании Нумы.

⁵ Оттого римские юристы весьма удачно называют свободу способностью.

⁶ Схолиаст [комментатор] Горация пишет, что слово «право» употребляется вместо «права собственности».

⁷ Филон замечает по этому поводу: «Серебро, золото и другие драгоценности, бережно хранимые подданными, принадлежат не столько их владельцам, сколько правителям». Плиний в «Панегирике» пишет: «Тот, кому принадлежит имущество всех подданных, имеет столько же, сколько и все подданные». И несколько далее: «Разве Цезарь видит что-нибудь, что не принадлежит ему?» См. также Иоанн Солсберийский, «Поликратикус» (кн. V, гл. 1).

Что есть соответствие?

VII. Соответствие Аристотель («Этика Никомаха», кн. V) называет также «достоинством»⁸. Идею сообразной с ним так называемой соразмерности Михаил Эфесский передает словами «соответственное», «приличествующее».

О справедливости исполнительной и распределительной; их особенности состоят не в различии геометрической и арифметической пропорции, а также не в том, что одна относится к предметам общей собственности, а другая — к предметам частной собственности.

VIII. 1. Способности соответствует справедливость исполнительная, то есть справедливость в собственном, или тесном, смысле слова. «Договорная» справедливость Аристотеля — слишком натянутое название, ибо когда, например, фактический владелец моей вещи мне ее возвращает, он поступает так не в силу договора; а между тем такое возвращение вещи относится именно к рассматриваемой справедливости, которую тот же Аристотель удачнее называет «исправительной». Достоинству же у Аристотеля соответствует справедливость распределительная, спутница тех добродетелей, которые обеспечивают пользу другим людям, как то: щедрости, милосердия, правительственной предусмотрительности.

2. Что же касается утверждения Аристотеля, что исполнительная справедливость следует простой пропорции, называемой арифметической, а распределительная справедливость следует относительной пропорции, называемой Аристотелем геометрической (которая у математиков⁹ одна только имеет название пропорции), то подобное положение дел имеет место часто, но не всегда; и сама по себе справедливость исполнительная отнюдь не отличается от распределительной таким именно применением пропорции, но, как мы уже сказали, отличается предметом, к которому она имеет отношение. В самом деле, и по договору товарищества распределение производится согласно относительной (геометрической) пропорции; в свою очередь, в том случае, когда оказывается одно лишь лицо, способное занять ту или иную общественную должность, назначение совершается не иначе как согласно простой пропорции.

3. Не ближе к истине также утверждения некоторых авторов о том, что распределительная справедливость имеет отношение к общему достоянию, исполнительная же — к имуществу частных лиц. Напротив, ведь если кто-нибудь, например, пожелает

⁸ Цицерон, «Об обязанностях» (кн. I): «Если сопоставить и сравнить, кому люди обязаны оказывать наибольшие услуги, вывод может быть такой: во-первых, отечеству и родителям, благодеяниям которых мы обязаны в наибольшей мере; затем непосредственно следуют дети и вся семья, которые взирают на нас и не могут иметь прибежища помимо нас; далее следуют родственники, с которыми мы находимся в добром согласии и с которыми в большинстве случаев мы делим общее достояние. Оттого-то доставление перечисленным лицам средств существования составляет нашу главную обязанность, имеющую преимущество перед всеми прочими. Что же касается жизни и сожителства, добрых советов, разговоров, уговоров, утешений, а иногда и порицаний — все это в основном свойственно дружбе». Ср. с тем, что следует ниже, в кн. II, гл. VII, IX и X настоящего сочинения. Сенека в трактате «О благодеяниях» (кн. IV, гл. II), где речь идет о завещаниях: «Мы ищем достойнейших, кому бы передать наше имущество». Сюда же относится сказанное у Августина в труде «О христианском учении» (кн. I, гл. XXVIII и XXIX).

⁹ Кассиодор называет ее сравнением состояния. Вспомним удачное изображение этой так называемой распределительной справедливости у Гомера: «*Лучшему он уделял, что получше, похуже — плохому*».

распорядиться своим имуществом на случай смерти, то он обычно руководствуется распределительной справедливостью. Когда же государство возмещает из общественной казны затраты на общественные нужды, понесенные кем-либо из граждан, расчет производится не иначе, как согласно исполнительной справедливости. Это различие правильно подмечено одним из наставников Кира. Ибо когда Кир присудил младшему мальчику меньший по размерам плащ, хотя он принадлежал другому, а более взрослому, наоборот, на том же основании присудил больший по размеру плащ, то наставник заметил Киру: «Если выступать в качестве судьи для разрешения вопроса о том, что наиболее соответствует каждому, то следовало бы поступить именно таким образом; но поскольку спор был о том, кому именно принадлежит плащ, то следует иметь в виду, кто является настоящим владельцем¹⁰: тот, кто завладел вещью силой, или же тот, кто сам ее сделал или купил».

Определение права как правила и деление его на естественное и волеустановленное

IX. 1. Есть еще третье значение слова «право» — одинаковое с понятием «закон»¹¹, если только принять это слово в самом широком смысле, а именно — в значении правила нравственных поступков, обязывающего к выполнению какого-нибудь надлежащего действия. Во всяком случае, необходима обязанность, ибо советы и какие бы то ни было иные наставления, например, правила чести, не имеющие обязательной силы, не заслуживают названия закона или права. Дозволение же, собственно, не есть действие закона, но — отрицание действия, если только на всякое иное лицо не возлагается обязанность не чинить препятствий лицу, которому что-либо дозволено законом. Мы сказали, кроме того: обязанность к выполнению какого-нибудь надлежащего действия, а не просто — правомерного действия, потому что право в данном смысле имеет отношение не только к предмету справедливости, о которой уже была речь, но и к предмету прочих добродетелей¹². Тем не менее надлежащее в соответствии с этим правом называется справедливым в широком смысле слова.

2. Наилучшее деление права в принятом значении предложено Аристотелем, согласно которому, с одной стороны, есть право естественное, а с другой — право волеустановленное, которое он называет законным правом, употребляя слово «закон» в более тесном смысле. Иногда же он называет его установленным правом. То же различие встречается у евреев, когда они выражаются точно, называя право естественное «митсвот»¹³, а право установленное «кукким», причем первое слово еврей-эллинисты передают греческим словом «справедливость», а второе — греческим словом «повеление».

¹⁰ См. у того же Ксенофонта, «Воспитание Кира» (кн. II). Ту же цель преследует закон Моисея: «И бедному не потворствуй в тяжбе его» (Исход, XXIII, 15). По словам Филона, «следует дело решать, невзирая на лица».

¹¹ В этом смысле сказано у Горация: «*Страх побуждает права изобрести, чтобы избежать насилия*». И в другом месте: «*Все права попирает*». На что схолиаст замечает: «Да будет нарушителем законов».

¹² Примером может служить закон Селевка, которым налагалась кара на того, кто вопреки воспрещению врача станет пить вино.

¹³ Так у Моисея Маймонида в трактате «Руководитель сомневающих» (кн. III, гл. XXVI).

**Определение естественного права, его деление, отличие от того,
что называется правом в несобственном смысле**

Х. 1. Право естественное есть предписание здравого разума¹⁴, коим то или иное действие, в зависимости от его соответствия или противоречия самой разумной природе, признается либо морально позорным, либо морально необходимым; а следовательно, такое действие или воспрещено, или же предписано самим богом, создателем природы.

2. Действия, к которым относится подобного рода предписание, суть сами по себе должные или недозволенные, и оттого они с необходимостью признаются предписанными или же воспрещенными самим богом; этим признаком такое право отличается не только от человеческого права, но и от права, установленного божественной волею, так как последнее предписывает или воспрещает не то, что само по себе и по самой своей природе есть должное или же недолжное, но то, что недозволено лишь в силу воспрещения и что вменено в обязанность в силу предписания.

3. А для понимания естественного права следует, между прочим, заметить, что нередко обозначением права естественного пользуются не в собственном, но, как любят выражаться школы, в переносном смысле, имея в виду то, что не отвергается естественным правом, подобно тому, как мы уже заметили, нередко называют справедливым то, что свободно от какой-либо несправедливости; и, даже злоупотребляя термином «естественное право», обычно распространяют его на то, что разум признает достойным или наилучшим, хотя и необязательным.

4. Кроме того, следует иметь в виду, что право естественное распространяется не только на то, что находится непосредственно в зависимости от человеческой воли, но также и на многие последствия, вытекающие из актов человеческой воли. Так, например, право собственности в том виде, как оно существует в настоящее время, установлено волей человека; и, однако же, раз оно установлено, то в силу естественного права преступно похищение против воли чужой собственности; оттого, по словам юриста Павла, воровство воспрещено естественным правом¹⁵; оно по природе позорно, по мнению Ульпиана (*L.I.D. de Furtis. L. Probrum. D. de verb. significat.*), и неуютно богу, как говорит Еврипид в трагедии «Елена»:

Насилье богу нелюбо; не грабежом

Богатства следует стяжать, но правдою.

¹⁴ Филон в трактате «О свободе каждого добродетельного» пишет: «Непогрешимый закон есть здравый разум, бессмертный, не исходящий ни от того, ни от иного смертного, начертанный не на бездушной бумаге или бездушных колоннах, но нетленной, бессмертной природой начертанный в бессмертном разуме». Тертуллиан в «Венце воина» пишет: «Итак, ты ищешь закон божий, тогда как общий закон начертан на естественных таблицах очам всего мира». Марк Аврелий Антонин (кн. II): «Цель живых существ, одаренных разумом, — следовать закону и норме древнейшей гражданской общины и государства». Сюда же относится место из трактата Цицерона «О государстве» (кн. III), приведенное Лактанцием (VI, 8). Превосходно об этом говорит Златоуст в слове «О статуях» (XII и XIII). Не следует также обходить молчанием сказанное у Фомы Аквинского (*Secunda Secundae, LVII, 2*) и Дунса Скота (III, разд. 37).

¹⁵ Император Юлиан: «Второй же после познания и почитания бога закон есть сама святая и божественная природа, повелевающая всегда и всюду воздерживаться от чужого добра и не позволяющая посягать на него ни словом, ни делом, ни тайным помышлением». А Цицерон в трактате «Об обязанностях» (кн. III) приводит место из Хрисиппа: «Ни для кого не преступно стремиться в жизни к тому, что может служить ему на пользу; похищать же имущество другого есть правонарушение».

Позорно изобилие неправое.
Доступны сообща всем воздух и земля,
Где всякому дано приумножать свой дом
Без посягательства и без насилия.

5. Естественное право, с другой стороны, столь незыблемо, что не может быть изменено даже самим богом. Хотя божественное всемогущество и безмерно, тем не менее можно назвать и нечто такое, на что оно не распространяется, поскольку то, что об этом говорится, только произносится, но лишено смысла, выражающего реальный предмет, ибо само себе противоречит. Действительно, подобно тому, как бог не может сделать, чтобы дважды два не равнялось четырем, так точно он не может зло по внутреннему смыслу обратить в добро. Именно это самое имеет в виду Аристотель, когда утверждает: «Есть некоторые вещи, самое наименование которых связано с мыслью о порочности». Ибо так же, как бытие вещей, после того как они возникли, и способ их существования не зависят ни от чего иного, не зависят и свойства их, с необходимостью вытекающие из их существа; такова же и порочность некоторых действий при сравнении их с природой существ, одаренных здравым разумом. Надо полагать, что и сам бог судит о себе согласно этому же правилу, как об этом свидетельствуют книги Бытия (XVIII, 25), пророки Исайя (V, 3), Езекииль (XVIII, 25), Иеремия (II, 9), Михей (VI, 2), а также апостол Павел в послании к римлянам (II, 6; III, 6).

6. Однако же иногда некоторое подобие изменения в действиях, предписываемых или воспрещаемых естественным правом, вводит в заблуждение неосторожных, хотя изменяется не самое естественное право, пребывающее неизменным, но каждая вещь, на которую распространяется естественное право, испытывает то или иное изменение. Так, например, если кредитор считает, что он уже получил с меня долг, то я не обязан более ничего платить, но не потому, чтобы естественное право прекратило требовать с меня уплаты моего долга, а потому, что прекратился самый долг. Ибо правильно рассуждает Арриан в комментариях на Эпиктета: «Для того чтобы иметь основания утверждать существование чье-нибудь долга, недостаточно доказать, что деньги были ему даны взаймы, но следует еще доказать, что обязанность возратить долг до сих пор еще не погашена и потому остается в силе». Равным образом, если бог прикажет лишить кого-нибудь жизни или похитить чье-нибудь имущество, то это не означает дозволения совершить человекоубийство или воровство, самое наименование которых подразумевает понятия преступления; ни то, ни другое уже не будет ни человекоубийством, ни воровством, потому что они будут совершены по повелению самого всевышнего создателя жизни и имущества.

7. Есть также некоторые правила естественного права, которые предписывают что-нибудь не прямо и непосредственно, а в расчете на известный порядок вещей; так, общность имущества была естественна до тех пор, пока не была введена частная собственность; равным образом то же относится к осуществлению своего права силой до установления гражданских законов.

Инстинкт, как общий для всех животных, так и свойственный лишь человеку, не составляет особого вида справедливости

XI. 1. В своде римского права проводилось разделение незыблемого права, с одной стороны, на общее для животных и человека, которое в более тесном смысле называется естественным правом, и, с другой стороны, на свойственное исключительно людям, зачастую называемое правом народов. Разделение это не имеет почти никакого значения, ибо нет, собственно, восприимчивого к праву существа, кроме способного от природы руководствоваться общими началами, что правильно выразил Гесиод в следующих стихах:

Роду людскому закон даровал всевышний Кронион;
Дикие звери и рыбы, воздушное племя пернатых
Пожирают взаимно друг друга, лишённые правды,
Правда одним нам дана, небожителей дар драгоценный¹⁶.

Мы не говорим, замечает Цицерон в книге I трактата «Об обязанностях», о том, что у лошадей или львов существует справедливость. Плутарх в жизнеописании Катона Старшего указывает: «По своей природе мы соблюдаем законы и справедливость лишь в отношениях с людьми». Лактанций пишет: «Мы наблюдаем, что всем животным, лишённым разума, сама природа внушает стремление к самосохранению. Ибо они вредят другим ради собственной выгоды, потому что не знают, что вредить есть зло. А так как человеку доступно познание добра и зла, то он воздерживается от причинения вреда другим, даже в ущерб самому себе» (кн. V). Полибий, поведав о том, каким образом люди впервые пришли к согласию, добавляет, что если бы кто-нибудь нанес оскорбление своим родителям или благодетелям, то это не замедлило бы вызвать в прочих негодование¹⁷, и он приводит основание: «Так как ведь род человеческий отличается от прочих животных свойственным ему умом и разумом, то совершенно невероятно, чтобы люди, подобно другим животным, оставляли без внимания такой поступок, столь чуждый их природе; напротив, такой поступок должен поражать их дух как оскорбление» (кн. VI)¹⁸.

¹⁶ Ювенал в сатире XV пишет:

Мы отличны от стада
Бессловесных животных: наделены мы достойным
Познающим умом и способны постичь неземное,
Также в искусствах мудреных способны весьма упражняться
Мы наделённые смыслом, небес божественным даром.
Звери его лишены, к земле обращённые взором;
Их наделил искони создатель единого мира
Смертной душой, нас — духом, внушившим взаимное чувство:
Ждать друг от друга услуг и оказывать их обоюдно,
Объединяться рассеянным порознь в народы...

Златоуст в толковании «На послание к римлянам» пишет: «Никогда не следует отклоняться от правил справедливости и несправедливости, даже если дело идет о животных, лишённых души и чувства».

¹⁷ Примером может служить история Хама (кн. Бытия. X, 22), где за нарушением следует наказание.

¹⁸ Златоуст в слове «О статуях» (XIII) говорит: «Мы предрасположены природой сочувственно негодовать вместе с теми, кто потерпит оскорбление; оттого мы враждебны нарушителям справедливости, даже если сами и не подвергнемся обиде». Схолиаст на сатиру Горация (I, III): «Чувство и душа негодуют одним образом, услышав о совершившемся убийстве человека, другим — услышав о похищении имущества».

2. Оттого, когда диким животным приписывают справедливость¹⁹, это делается не в собственном смысле вследствие наличия у них тени и следа разумности²⁰. Впрочем, самый образ действий, установленный естественным правом, свойственен нам наряду с другими животными, как, например, воспитание потомства. Тогда как, напротив, то, что свойственно исключительно нам, как, например, богослужение, не имеет никакого отношения к природе права.

Доказательства существования естественного права

ХII. 1. Существование же чего-нибудь, принадлежащего к области естественного права, обычно доказывается или из первых начал, или из вытекающих отсюда следствий. Из этих обоих способов первый отличается большей отвлеченностью, а второй — большей общедоступностью. Доказательство априори [из первых начал] состоит в обнаружении необходимого соответствия или несоответствия какой-нибудь вещи с разумной и общежительной природой. Доказательство же апостериори [от следствий] обладает не совершенной достоверностью, но лишь некоторой вероятностью и состоит в выяснении естественного права путем отыскания того, что признается таковым у всех или, по крайней мере, у всех наиболее образованных народов. Ибо общераспространенное следствие предполагает всеобщую причину; причина же столь всеобщего убеждения едва ли может быть чем иным, кроме так называемого общего смысла.

2. Гесиоду принадлежит часто повторяемое изречение:

Ложным не может быть многим народам присущее мнение.

«Общее мнение достоверно»²¹, — говорил Гераклит, полагавший, что «общий смысл» есть наилучшее мерило истины. Аристотель сказал: «Сильнейшим доказательством служит то, когда все согласны с нашим утверждением». А Цицерон утверждает («Тускуланские беседы», I, письмо 117), что «согласие всех народов в чем-нибудь должно считаться доказательством естественного права». Сенека полагает, что «доказательством истины

¹⁹ Плиний (кн. VIII, гл. V) приписывает слонам некое чутье справедливости. Он же (кн. X) сообщает о ехидне, которая сама убила своего детеныша за то, что тот погубил сына ее хозяина.

²⁰ По этому поводу Сенека («О гневе», кн. V, гл. 3) высказывает мысль, что диким зверям не свойственен гнев, но что вместо того им свойственны слепые порывы: «Бессловесные животные чужды человеческих страстей, но им свойственны лишь сходные побуждения». По словам Оригена («Против Цельса»), животным не свойственен порок, но некоторое подобие порочности; по словам перипатетиков, приведенным у Порфирия («О воздержании от мяса животных»): «Лев как бы гневается».

²¹ Аристотель в «Никомаховой этике» (кн. X, II) пишет: «В чем согласны все, то, по-нашему, так и есть, а кто вздумал бы поколебать такую уверенность, тот не в состоянии привести ничего более вероятного». Сенека: «Среди всеобщего разногласия в человеческих суждениях все единодушно согласятся с тобой в том, что людям за их благодеяния следует воздавать благодарностью». Квинтилиан: «Согласное мнение ученых я назову обычным оборотом речи, житейским обычаем я назову согласное мнение добрых людей». Иосиф Флавий в «Иудейских древностях» (кн. XVI) пишет: «Нет такого народа, который в целом соблюдал бы одни и те же обычаи; часто почти каждый город весьма отличается своими обычаями. Самое же право в равной мере годится всем людям, потому что оно полезно как варварам, так и грекам; действующие же у нас законы в особенности следуют началам справедливости, так что, соблюдая их в точности, мы становимся благосклонны и дружелюбны по отношению ко всем людям. Вот все, чего мы вправе ожидать от законов. И прочие народы не должны отвращаться и чуждаться нас по причине отличия их установлений от наших законов, но главным образом иметь в виду, насколько последние согласованы с добродетелью и честностью. Ибо они необходимы всем народам и одни только сами по себе достаточны для безопасности человеческого общежития». Тертуллиан в «Наставлениях против еретиков» пишет: «То, что одинаково признается многими, есть не ошибка, но предание».

является то, в чем все сходятся»; а Квинтилиан учит, что «мы считаем истиной то, что признается общим мнением». Не напрасно я, однако же, упомянул о народах образованных, ибо, как правильно отмечает Порфирий, «некоторые народы одичали, огрубели²² и потому не следует оценку их нравов нелицеприятными судьями вменять в укор человеческой природе». У Андроника Родосского читаем: «У людей, одаренных правым и здравым умом, соблюдается незыблемо так называемое естественное право. Тем же, чей дух болезнен и расстроен, все кажется иначе, и у них ничто не согласуется с предметом. Поэтому не ошибается тот, кто находит, что мед сладок, тогда как больному кажется иначе». С этими авторами не расходится и Плутарх, который в жизнеописании Помпея замечает, что «по природе ни один человек не есть и не был диким и необщительным существом, но он дичает, когда привыкнет предаваться пороку, извращая свою природу; тем не менее, следуя другим привычкам, с переменой образа жизни и места пребывания, он может вернуться к прежней кротости». Аристотель дает следующее описание природы, свойственной человеку: «Существо по своей природе кроткое» («Топика», V, 2). Он же в другом месте говорит: «Свойственную человеку природу следует наблюдать в тех, кто поступает хорошо и согласно с природой, а не в тех, природа которых извращена» («Политика», I, V)²³.

Деление волеустановленного права на человеческое и божественное

XIII. Другой вид права мы назвали волеустановленным, потому что оно имеет своим источником волю. Такое право бывает или человеческое, или божественное.

Деление права человеческого на внутригосударственное, на право в более тесном и широком смысле по сравнению с внутригосударственным; последнее есть право народов. Разъяснение и доказательство его существования

XIV. 1. Начнем с права человеческого, потому что оно известно большему числу людей. Оно, в свою очередь, бывает или правом внутригосударственным, или же правом человеческим в более широком и в более узком смысле по сравнению с внутригосударственным. Право внутригосударственное есть то, которое исходит от гражданской власти. Власть гражданская господствует в государстве. Государство же есть совершенный союз свободных людей, заключенный ради соблюдения права и общей пользы. Право человеческое в более узком смысле, которое не исходит от гражданской власти, хотя и подчинено ей, бывает различного характера; оно охватывает веление отца и господина и другие, им подобные. Право же в более широком смысле есть право народов, а именно —

²² Юстин в «Диалоге с Трифоном»: «За исключением тех, кто одержим злыми духами или под влиянием дурного воспитания, извращенных установлений и несправедливых законов утратил естественные понятия». Филон в книге «О свободе каждого добродетельного»: «Недаром, стало быть, может показаться странной полная слепота тех, кто не видит даже очевидных свойств вещей». Златоуст в слове «О божественности Христа» дает совет: «Не следует поэтому обращаться к суждениям тех, в чей дух проникла порча».

²³ То же самое утверждает Златоуст в слове «О статуях» (XI). Подробнее распространяется о том же Филон в толковании на десять заповедей: «Самое кроткое живое существо природа в наибольшей степени наделила общительностью и стремлением к общежитию, предназначила к согласию и сообществу, наделив также даром речи, что способствует укрощению умов и приводит ко взаимному единению». Так же в трактате «О бессмертии мира»: «Кротчайшее живое существо есть человек, наделенный от природы даром речи, благодаря чему самые бешеные страсти смиряются как бы по волшебству».

то, которое получает обязательную силу волею всех народов или многих из них²⁴. Я добавил «многих из них» потому, что, кроме права естественного, называемого часто также правом народов, почти не встречается право, которое было бы обще всем народам. Ибо ведь зачастую в одной части земного шара действует такое право народов, которое не имеет силы в остальной, например, о положении военнопленных и о состоянии по заключении мира, о чем скажем в своем месте.

2. Существование же такого права народов доказывается тем же способом, как и существование неписаного внутригосударственного права, а именно — фактом непрерывного соблюдения и свидетельством сведущих лиц. Ибо, по верному замечанию Диона Хризостома, это право есть «приобретение времени и обыкновения». По этому предмету для нас наиболее полезны славные составители летописей.

Деление права божественного на всеобщее и свойственное одному народу

XV. 1. Право же, установленное волею божества, в достаточной мере понятно для нас из самого названия; оно имеет непосредственным источником самую божественную волю. Этим признаком оно отличается от права естественного, которое, как мы сказали, тоже можно назвать божественным. К этому праву уместно применить то, что в чересчур общей форме вложено Плутархом в уста Анаксарха²⁵ в жизнеописании Александра, а именно: не потому бог желает чего-нибудь, что предмет его воли справедлив, но оно потому справедливо, то есть обязательно по праву, что такова воля божества.

2. Право божественное преподано или человеческому роду, или одному народу. Известно, что закон божий был трижды дан человеческому роду: тотчас же после создания человека, затем в целях искупления человеческого рода после потопа и впоследствии Христом ради полного искупления человеческого рода. Эти три закона, без сомнения, связывают всех людей с момента, когда они в достаточной мере дошли до их сведения.

Право древних евреев никогда не обязывало чужестранцев

XVI. 1. Из всех народов на земле есть один народ, которого господь в особенности удостоил дарованием закона; это — народ еврейский, к которому Моисей обращается со следующими словами (Второзаконие, IV, 7): «Ибо есть ли какой великий народ, которому боги его были бы столь близки, как близок к нам господь, бог наш, когда мы призываем его? И есть ли какой великий народ, у которого были бы такие справедливые постановления и законы, как весь закон сей, который я предлагаю вам сегодня?» И псалмопевец Давид (псалом CXLVII) воспевает: «Он возвестил слово свое Иакову, уставы свои и суды свои — Израилю, Не сделал он того никакому другому народу, и судов его они не знают».

2. Без сомнения, заблуждаются те иудеи (и среди них Трифон в споре с Юстином), которые полагают, что и другие народы, если хотят спастись, должны принять ярмо еврейского закона. На самом деле закон не связывает тех, кому он не дан. Закон сам гласит о том, кому он дан: «Слушай, Израиль»²⁶, и во множестве мест Ветхого завета говорится

²⁴ См.: Васкес. Спорные вопросы (II, LIV, 4).

²⁵ У Плутарха в жизнеописании Александра Великого.

²⁶ Такого же мнения держится и Моисей Маймонид, основывая свое мнение на Второзаконии (XXXIII, 4).

о заключенном с иудеями союзе, самый же народ Израилев называется избранным народом Божиим, истинность чего свидетельствует Маймонид, ссылаясь также на одно место из Второзакония (XXXIII, 4).

3. Мало того, среди самих евреев всегда проживали некоторые чужестранцы «благочестивые и имеющие страх божий», как, например, некая сиропфиникиянка (евангелие от Матфея, XV, 22), или некий центурион Корнилий (Деяния св. ап., X, 2), или, наконец, «некоторые из благочестивых эллинов» (Деяния св. ап., XVIII, 4), по-еврейски — «благочестивых из числа язычников», о чем можно прочесть в Талмуде, в разделе о царе²⁷. Состоящие в законе называются в книгах Левит «сыном чужеземца» (XXII, 25) и «необрезанным чужеземцем» (XXV, 47), где халдейский толкователь [парафраст] добавляет к этому месту название «необрезанный поселенец». Эти люди, по словам самих еврейских учителей, должны были соблюдать законы, данные Адаму и Ною, воздерживаться от идолопоклонства, от пролития крови и от многого другого, о чем будет упомянуто в своем месте, но они не были обязаны соблюдать в той же мере собственно израильские законы. Тогда как Израилю не полагалось вкушать мяса животных, погибших своей смертью, чужестранцам, живущим среди них, это не было воспрещено (Второзаконие, XIV, 21). Лишь в некоторых законах евреев особо предусмотрено непосредственное распространение их на чужестранных поселенцев в той же мере, как и на коренное еврейское население.

4. Чужестранцам, пришедшим из других земель и не подчинявшимся еврейским установлениям, было, однако же, дозволено поклоняться богу в иерусалимском храме и приносить ему жертвы в особом месте²⁸, отдельно от израильтян (кн. I Царств, Вульгата, III Царств, VIII, 41; кн. II Маккавейская, III, 35; евангелие от Иоанна, XII, 20; Деяния св. ап., VIII, 27). Ни Елисей, обращаясь к сирийцу Нахману²⁹, ни Иона, обращаясь к ниневиянам, ни Даниил — к Навуходоносору, ни пророки, обращаясь в посланиях к жителям Тира, моавитянам и египтянам, никогда не указывают им на необходимость принять закон Моисеев.

5. Сказанное о законе Моисеевом в целом относится, в частности, к обрезанию, которое составляло как бы приурочивание к закону. Важно лишь то, что закону Моисееву были подчинены лишь израильтяне, закону же обрезания — все потомство Авраама; оттого о том, что иудеи принудили идумеев произвести обрезание, можно прочесть в истории

²⁷ Также в разделе Талмуда о синедрионе (гл. XI). Об этом же гласит Исход (XII, 45). От чужестранца отличается прозелит, то есть обрезанный пришелец, как показывает сопоставление с местом в книге Чисел (XI, 14). О благочестивых необрезанных много имеется у Маймонида в книге «Об идолопоклонстве» (гл. X, 6). Также в комментарии «На Миснагиот» и во многих иных местах он утверждает, что такие благочестивые чужестранцы будут причастны благам грядущей жизни. Златоуст в толковании «На послание к римлянам» (гл. II): «Кого здесь апостол именует иудеем и от каких эллинов он его отличает? От живших до пришествия Христа, ибо речь его не доходит до времен благодати». Затем: «Эллины, которых имеет в виду апостол, — не язычники, но имевшие страх божий люди, следовавшие естественному разуму, которые, кроме обрядов иудейской веры, выполняли все, предписываемое благочестием». И он приводит примеры Мелхиседека. Иова, ниневиян и центуриона Корнилия. И еще ниже он повторяет, «что под эллином следует разуметь не язычника, но человека благочестивого, добродетельного, но свободного от исполнения обрядов закона». Он развивает те же мысли, изъясняя изречение: «С незаконными я поступил, как если бы я сам был незаконным». И в слове «О статуях» (XII) тот же Златоуст говорит: «Эллинами здесь он называет не преданных идолослужению, но поклоняющихся единому богу, однако же таких, которые не связаны обязательством выполнения иудейских обрядов, а именно — соблюдением субботы, обрезания, различных омовений, и тем не менее всегда обнаруживают усердие в изучении закона и благочестии».

²⁸ См. у Иосифа Флавия в повествовании об истории храма Соломона.

²⁹ То же мнение высказывает св. Иларион в толковании на евангелие от Матфея (XII).

евреев и у греческих историков. Поэтому те народы, которые наряду с Израилем соблюдали обрезание (о многих из них упоминают Геродот, Страбон, Филон, Юстин, Ориген, Климент Александрийский, Епифаний, Иероним)³⁰, по всей вероятности, произошли от потомков Измаила, Исава или Кефуры³¹.

6. Впрочем, к другим народам относится следующее место из послания апостола Павла к римлянам (II, 14): «Ибо когда язычники, не имеющие закона, по своей природе³² (то есть следуя нравам, ведущим свое происхождение из древности, если только кто-нибудь не предпочтет слова "по природе" отнести к предшествующему, дабы противопоставить язычников иудеям, которым закон преподавался с самого рождения) законное делают, то, не имея закона, они — сами себе закон; они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие друг друга». И еще следующие слова там же (26): «Итак, если необрезанный соблюдает постановления закона, то его необрезание не вменится ли ему в обрезание?» Правильно, следовательно, в истории Иосифа Флавия («Иудейские древности», кн. XX, гл. 2). Анания поучал Изата Адиабейца (Эзата, как его называет Тацит), что праведно служить богу и пользоваться его благоволением может и необрезанный³³. И если чужестранцы обрезаны и в силу того подчинились закону (как разъясняет Павел в посланиях к галатам, V, 3), они сделали это отчасти затем, чтобы получить права гражданства, ибо прозелиты (т. е. новопринятые, по-еврейски — покровительствуемые правосудием) пользовались всеми правами наравне с израильтянами³⁴ (кн. Чисел, XV, 15); отчасти же и с той целью, чтобы удостоиться благ, обещанных не всему человеческому роду³⁵, но исключительно только еврейскому народу. Тем не менее я не могу отрицать того, что в последующие века у некоторых утвердилось ложное мнение, будто бы вне иудейского закона нет спасения.

7. Из всех приведенных нами свидетельств следует, что на нас никоим образом не распространяется еврейский закон в той части, в какой он является законом в собственном смысле. Ибо обязанность подчинения, кроме права естественного, имеет источником волю законодателя. И нельзя найти никаких указаний на божественное повеление, чтобы этот закон соблюдали другие, кроме израильтян. Что же касается нас, то не имеется никакой нужды в доказательствах отмены закона, ибо не могло быть отмены его в отношении тех, кто никогда не был ему подчинен. С израильтян же была снята обязанность соблюдения их обрядов тотчас же по возвещении евангельского закона, что было совершенно ясно открыто главе апостолов (Деяния св. ап., X, 15); в отношении же прочего закон был отменен

³⁰ Можно также добавить Феодорита.

³¹ От них, вероятно, произошли эфиопы, которых Геродот причисляет к обрезанным. Епифаний же называет их гомеритами.

³² «По внушению природы», — как говорит Златоуст. Он же продолжает: «Оттого удивительно, что они не имели надобности в законе». И далее: «Вместо закона достаточны совесть и обладание разумом». Тертуллиан в слове «Против иудеев» пишет: «До писаного закона Моисея, начертанного на каменных таблицах, существовал неписанный закон, который был внушен природой и соблюдался праотцами». Близко к сказанному мнение Исократ: «Кому желательно быть гражданами благоустроенного государства, те не должны наполнять портики писаными законами, но хранить начертанные в душе начала справедливости».

³³ Сам Трифон, отступая от крайнего защищаемого им мнения, так обращается к Юстину: «Если бы ты был верен указаниям божественной философии, то тебе оставалась бы некоторая надежда на лучшую участь».

³⁴ Юстин в «Диалоге с Трифоном» поясняет: «Ревнитель, присоединившийся к народу через обрезание, равен члену коренного населения».

³⁵ И потому допускались к участию в пасхальных обрядах.

с прекращением существования народа израильского как такового после разрушения и опустошения Иерусалима без надежды на восстановление.

8. Мы же, чужеродцы, не для того уверовали в пришествие Христа, чтобы только освободиться от закона Моисея; но тогда как прежде мы могли иметь лишь весьма смутную надежду на благость божию, ныне в силу формального обещания мы укрепляемся в надежде на объединение в одну общую церковь с сынами еврейских патриархов после отмены их закона, который отделял их от нас как бы некоторой преградой (см. посл. ап. Павла к ефесеям, II, 14).

Какие доводы могут извлечь христиане из древнееврейского права и каким образом это возможно?

XVII. 1. Так как, следовательно, мы показали, что закон, данный через посредство Моисея, не может уже возложить на нас прямых обязанностей, то посмотрим, не может ли он иметь какое-нибудь применение как в вопросах права войны, так и в иных подобного рода вопросах. Знать это важно во многих отношениях.

2. Во-первых, несомненно, что предписания еврейского закона не противоречат праву естественному. Ведь так как естественное право, как сказано выше, вечно и неизменно, то бог, которому чужда неправда, не мог предписать чего-либо, противного этому праву. К тому же закон Моисея называется совершенным и верным (Псалом XIX, Вульгата, XVIII, 8), а в глазах апостола Павла он свят, справедлив и добр (Посл. к римлянам, VII, 12).

Здесь я веду речь о велениях закона, так как о дозволениях следует поговорить подробнее. Ведь дозволение, предоставляемое законом (ибо сюда не относится чисто фактическая возможность, означающая отсутствие препятствия), может быть или полное, то есть дающее право на какое-нибудь дозволенное действие, или же неполное, то есть сообщающее действию лишь безнаказанность среди людей и право требовать от других не чинить препятствия дозволенному действию.

Как из дозволения первого рода, так и из любого предписания следует, что постановление закона не противоречит естественному праву, с дозволением второго рода дело обстоит иначе³⁶.

Но редко приходится допускать последнее, а так как слова, содержащие дозволение, обычно ведь бывают двусмысленны, то вопрос о том, к какому роду относится то или иное дозволение, следует предпочтительно толковать согласно праву естественному, а не заключать от способа дозволения к праву естественному.

3. К сделанному замечанию довольно близко по смыслу другое. Дело в том, что верховные правительства христианских народов могут издавать законы в таком же смысле, как и законы, изданные через Моисея, кроме таких, которые по существу относятся ко времени, когда ожидалось пришествие Христа и когда еще не было возведено евангелие, а также поскольку Христос сам не установил чего-либо противоположного по роду или виду. За исключением трех приведенных оснований, невозможно придумать причины, почему то, что некогда было установлено Моисеем, теперь могло бы оказаться недозволенным.

³⁶ См. толкование Златоуста «На Послание к римлянам» (в конце гл. VII).

4. Третье соображение может быть следующего рода. Что-либо, относящееся к тем добродетелям, соблюдение которых требует Христос от своих учеников, могло быть предписано уже законом Моисеевым, а потому и теперь, если не в еще большей мере, должно соблюдаться христианами³⁷. Основанием для такого соображения служит то обстоятельство, что добродетели, предписываемые христианам, как то: смирение, терпение, благотворительность, требуются ныне в большей мере³⁸, нежели по постановлению еврейского закона, и совершенно понятно почему, так как и обещания небесных наград в евангелии сделаны гораздо яснее. Оттого Ветхий завет по сравнению с евангелием оказывается менее совершенным и безупречным (посл. ап. Павла к евреям, VII, 19; VIII, 7), ибо цель закона, как сказано, есть Христос (посл. к римлянам, X, 5), закон есть приурочение к пришествию Христа (посл. к галатам, III, 25). Равным образом, постановление Ветхого завета о соблюдении субботы и другое о десятине³⁹ налагают и на христиан обязанность не менее одной седьмой части своего времени посвящать богослужению и не менее одной десятой части своих доходов обращать на содержание тех, кто занят совершением священнодействий или посвящает себя выполнению сходных благочестивых обязанностей.

³⁷ Тертуллиан в слове «О целомудрии»: «Свобода во Христе не наносит ущерба невинности, остается всецело неизблемым закон благочестия, истины, постоянства, чистоты, справедливости, милосердия, благоволения, целомудрия».

³⁸ *Златоуст*. О девстве (XCIV): «Ныне надлежит явить большую меру добродетели, ибо излита великая благодать духа и обилен источник даров пришествия Христова». Подобные же места имеются в его же словах «О происхождении пороков от небрежения» и «О постах» (III), а также в толковании «На послание к римлянам» (VI, 14 и VII, 5). Сюда же относится место из Иринея (кн. IV, гл. XXVI). Автор «Свода священного писания», имеющегося в собрании творений Афанасия, в толковании на пятую главу евангелия от Матфея пишет: «Христос здесь усугубляет силу предписаний закона».

³⁹ Так же применяют этот закон у христиан Иринея (кн. IV, гл. XXXIV) и Златоуст в толковании «На послание I к коринфянам» (конец последней главы) и в толковании «На послание к ефесеям» (II, 10).